

УДК 165.0

DOI:

10.15372/PS20200302

И.Е. Прись**«РАЗУМНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ», ЭПИСТЕМОЛОГИЯ
ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ***

Мы утверждаем, что «разумный релятивизм» М. Куша может быть «благожелательно» интерпретирован или скорректирован как контекстуальный реализм. Мы также заключаем, что ни абсолютизм, ни релятивизм не являются однозначно эпистемически добродетельными или порочными позициями («стансами»). Подлинные эпистемические добродетели: толерантность, открытость ума, интеллектуальные смирение, смелость и автономия, любопытство, стремление к истине и знанию и др. – присущи витгенштейновской неметафизической (контекстуальной) реалистической позиции. Релятивизму, так же как и догматизму, и абсолютизму, в отличие от реализма недостает подлинной ангажированности. Живучесть релятивизма объясняется не тем, что это «станс», а его критическим отношением к абсолютизму и догматизму. Двусмысленный анализ эпистемических достоинств и пороков релятивизма обусловлен отсутствием у них анализа понятия реальности.

Ключевые слова: реализм; релятивизм; контекстуальный реализм; разумный релятивизм; эпистемический релятивизм; эпистемология добродетелей; станс; перспектива; абсолютизм

I.E. Pris**«SENSIBLE RELATIVISM», VIRTUE EPISTEMOLOGY
AND CONTEXTUAL REALISM**

We assert that M. Kush's «sensitive relativism» may be «favorably» interpreted or modified as contextual realism. We also conclude that neither absolutism nor relativism is an unequivocally epistemically virtuous or vicious position («stance»). Genuine epistemic virtues, namely tolerance, open mind, intellectual humility, courage and autonomy, curiosity, the pursuit of truth and knowledge, and others, are inherent in Wittgenstein's non-metaphysical (contextual) realistic position. Unlike realism, relativism, as well as dogmatism and absolutism, lacks a genuine commitment. The persistence of relativism is not due to the fact that it is a stance, but due to its critical attitude to absolutism and dogmatism. The ambiguous analysis of the epistemic merits and vices of relativism carried out by M. Baghramyan and M. Kush is because they lacked the analysis of the concept of reality.

Keywords: realism; relativism; contextual realism; sensible relativism; epistemic relativism; virtue epistemology; stance; perspective; absolutism

* Статья подготовлена при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г 20-026.

Введение

Самопротиворечивость глобального релятивизма типа протагоровского, утверждающего, что все относительно, показал еще Платон¹. Тем не менее и сегодня, несмотря на критику, некоторые философы продолжают защищать релятивизм в той или иной форме, в той или иной области исследования. В последнее время, например, широко обсуждались семантический релятивизм Дж. МакФарлайна, утверждающий зависимость истинности некоторых видов суждений от контекста их оценки, эпистемический релятивизм, утверждающий относительность знания, обоснованности мнения и рациональности, и другие разновидности релятивизма [12; 22; 26; 33; 49; 57]. Алетический релятивизм, или релятивизм истины (истинности суждения), – наиболее общая форма релятивизма, охватывающая все другие его формы. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить об относительной истине некоторого вида суждений. А именно будем рассматривать эпистемические суждения.

М. Баграмян и М. Куш объясняют живучесть релятивизма тем, что его следует понимать не как доктрину или тезис, а как «станс» – совокупность ценностей, эмоций, политик и предпочтений [11; 52; 53]. К стансам можно отнести и другие философские позиции: эмпирицизм, материализм, реализм, антиреализм и т.д. Стансы можно сравнивать. Не все стансы в одинаковой мере плодотворны и в этом смысле равноправны. Идею и понятие станса Баграмян и Куш заимствуют у Б. ван Фраассена, считающего свой конструктивный эмпирицизм наиболее плодотворным стансом [41; 42]².

¹ Если тезис «Все относительно» абсолютен (истинен абсолютно), то он оказывается ложным и, следовательно, противоречивым. Если же он относителен (истинен лишь относительно), то существует точка зрения, согласно которой он абсолютен (т.е. ложен), и, следовательно, тезис опять можно рассматривать как противоречивый. Самопротиворечивость релятивистской позиции раскрывает известная ее формулировка, предложенная Х. Патнэмом: «Релятивизм истинен (для меня)» (цитирует П. Энжель в [33]). Последовательный релятивист скажет, что само суждение «Все относительно» относительно. Для релятивиста, который рассматривает свою позицию как «станс», противоречие не возникает, так как стансы ни истинны, ни ложны (см. ниже).

² Ван Фраассен пишет: «Философская позиция может представлять собой станс (установку, комитмент, подход, кластер таковых, возможно, включающий некоторые пропозиционные установки, также такие, как верования). Такой станс может быть выражен и может включать или предполагать также некоторые верования, но не может быть просто отождествлен с наличием верований или деланием утверждений о том, что существует» [42, р. 47]. Куш предлагает релятивистскую интерпретацию понятия станса в духе своей версии релятивизма [50] (см. наш анализ ниже).

Здесь мы фокусируем внимание на эпистемическом «разумном релятивизме» Куша [50; 52; 53]. С одной стороны, этот релятивизм можно назвать умеренным, так как он отвергает некоторые посылки и предпосылки традиционного радикального релятивизма, который действительно является абсурдной позицией, а с другой стороны, это радикальный релятивизм в том смысле, что он не допускает и критикует позиции, смешивающие абсолютизм и релятивизм, как, например, это делает конструктивный эмпирицизм ван Фраассена [42; 43]. Признанных релятивистов, таких как П. Фейерабенд [34; 36], Л. Коуд [30], Д. Блур [21], Х. Филд [38] и др., Куш интерпретирует «благожелательно», и для этого есть некоторые основания.

Среди современных физиков, открыто занимающих «релятивистскую» позицию в философии науки, мы упомянем французского космолога А. Барро с его недавними лекциями по философии науки и понятию научной истины [13; 14]³. Кроме того, обратимся к недавней дискуссии между М. Баграмян и М. Кушем относительно эпистемической добродетельности или порочности релятивистского станса, а также связи между философскими релятивизмом и абсолютизмом и политической позицией: политическим абсолютизмом (склонностью к авторитаризму или диктатуре) и демократией [10; 11; 52].

Мы утверждаем, что релятивизм в том смысле, в каком его понимает М. Куш, может быть интерпретирован или скорректирован как контекстуальный (не метафизический) реализм – позиция, которую мы отстаиваем [3]⁴. С учетом того, что Куш считает, что методологический волюнтаризм (эпистемический либерализм) и «умеренный» релятивизм ван Фраассена требуют коррекции в сторону методологического анархизма и радикального релятивизма Фейерабенда (см. определения ниже в разделе I.1), наш вывод согласуется с выводом, который мы сделали в недавней и еще не опубликованной статье: адаптивный эмпирицизм Г. Бакиагалуппи, развивающий и корректирующий конструктивный эмпирицизм ван Фраассена, а, следовательно и сам конструктивный эмпирицизм могут и должны быть скорректированы как контекстуальный реализм [8]. В данной работе мы также заключаем, что ни абсолютизм,

³ П. Энжель считает, что Барро иррационалист (частное сообщение). На наш взгляд, Барро смешивает релятивизм, иррационализм и контекстуализм. Все же мы интерпретируем или корректируем его позицию благожелательно как не лишенный отмеченных недостатков контекстуальный реализм, питающийся хорошим знанием физики и научной практикой.

⁴ П. Энжель находит позицию Куша более обоснованной, чем позиции других современных релятивистов. Все же он считает ее неверной (частное сообщение).

ни релятивизм не являются однозначно эпистемически добродетельными или порочными. Подлинными эпистемическими добродетелями⁵: толерантность, открытость ума, интеллектуальные смирение и скромность, интеллектуальные цепкость и настойчивость, интеллектуальная смелость, интеллектуальная автономия, любопытство, интеллектуальные справедливость и честность, внимательность, беспристрастность, интеллектуальная лояльность⁶, стремление к истине, знанию и мудрости и др. (см., например, [1; 9; 25; 43; 74])⁷ – присущи неметафизической (контекстуальной) реалистической позиции.

Далее будем использовать следующие сокращения: контекстуальный реализм: – к-реализм, эпистемическое суждение – э-суждение, витгенштейновское правило – в-правило.

I. Разумный релятивизм и контекстуальный реализм

Считается, что основной мотивацией релятивизма является проблема неразрешимых (трудноразрешимых, или «глубоких») разногласий, в частности разногласий между экспертами. Релятивизм пытается дать решение этой проблемы. Если догматист просто отрицает другую точку зрения и утверждает свою, то релятивист просто принимает, что все точки зрения, даже те, которые противоречат друг другу, истинны (пусть

⁵ Интеллектуальные, и в частности эпистемические, добродетели – это привычки, диспозиции или свойства характера субъекта, позволяющие ему хорошо мыслить и в том числе хорошо познавать.

⁶ А. Хазлетт [46] устанавливает связь между интеллектуальной лояльностью и идеями *немыслимого* (Г. Франкфурт [45]), *отказа верить* во что-либо (Г. Прайс [59]) и *нелживыми предложениями* Витгенштейна.

⁷ Соответственно, к интеллектуальным порокам относятся, например, интеллектуальное высокомерие, небрежность, праздность, трусость, конформизм, неосторожность, негибкость (или догматизм), предрассудки, принятие желаемого за действительное, замкнутость ума, невосприимчивость к деталям, тупость (*obtuseness*), отсутствие тщательности и т.д. [74, p. 152].

Отметим, что Ф. Бронкано-Беррокал и А. Картер [25] говорят об интеллектуальных добродетелях как трансситуационных добродетелях, восприимчивых к рациональным основаниям (*reasons-responsive*), – чертах характера. Однако такие черты характера, как открытость ума, интеллектуальная смелость, добросовестность, интеллектуальное смирение и т.д., добродетельны не сами по себе, а лишь если они ориентированы на достижение истины, знания и понимание, т.е. имеют добродетельную интеллектуальную мотивацию. На наш взгляд, это замечание существенно при рассмотрении реалистической интерпретации эпистемологии добродетелей и релятивизма. Именно потому, что и релятивист, и догматист на самом деле не ориентируются на нормы истины, знания и понимания, приписываемые им интеллектуальные добродетели оказываются дефектными.

в каком-то смысле, пусть частично, пусть для кого-то) – истинны для того, кто их придерживается. При этом проблема разногласий исчезает, поскольку разногласия оказываются «безошибочными». По сути, релятивист просто делает вывод, что никакого разногласия быть не может. Однако такое «решение» проблемы противоречит серьезности разногласий, тому, что зачастую несогласные друг с другом стороны убеждены в своей правоте. (Поэтому, например, П. Энжель видит в релятивистском решении проблемы разногласий как раз неспособность решить проблему по-настоящему [33].) Во всяком случае, можно попытаться принять некоторую умеренную версию релятивизма, учитывающее серьезный характер разногласий. Проблема разногласий может быть также понята как проблема разногласий между стансами, так как принятие станса может иметь более или менее серьезные практические следствия (в особенности это касается моральных стансов)⁸. Релятивист в смысле Куша признает,

⁸ Понятие станса, на наш взгляд, плохо определено, заслуживает критики, и поэтому мы предпочитаем оперировать терапевтической витгенштейновской терминологией. К тому же существуют разные точки зрения на то, что понимать под стансом. Приведем для иллюстрации несколько примеров понятия «станс». Напомним, что для ван Фраассена стансы могут включать в себя доктрины, позиции, верования, но не сводятся к ним. Станс – это прежде всего установка, широкая перспектива. Он включает в себя ценности, эмоции, политики, предпочтения. То есть это направленность, широкая перспектива в отношении мира. В стансе верования вторичны и могут быть заменены другими верованиями. Для А. Чакраварти «станс – стратегия или комбинация стратегий для генерирования фактических верований. ... Это вид эпистемической политики касательно того, какие следует принять методологии для генерации фактических верований. Сами стансы не фактические...» [29, р. 175]. Схожую позицию занимает П. Теллер [64; 65]. Для него тоже стансы – это несущие ценностную нагрузку «эпистемические политики (policies)», причем политики можно рационально критиковать. Стансы могут быть, например, обоснованы их соответствием принимаемым эпистемическим и неэпистемическим (социальным, политическим, этическим, эстетическим) ценностям [65, р. 168]. Куш резюмирует позицию Теллера так: «(1) Принять политику *P* – обязать себя действовать или принимать решения в соответствии с утверждением *P*. (2) Политика ни истинна, ни ложна, а полезна, умна или легка для употребления. (3) Политики могут быть преодолены другими политиками. (4) Применить политику – значит интерпретировать ее. (5) Применение политики требует «суждения». (6) Политики – «выражения и имплементации ценностей». (7) Политики упрощают принятие решений. (8) Можно приводить аргументы в пользу или против политик. Однако поскольку политики, по крайней мере частично, основываются на ценностных обязательствах (commitments), такие аргументы не могут быть напрямую фактическими. Защита политики зачастую вызывает к более общим политикам» [53]. Для С. Боучера стансы – «прагматически обоснованные перспективы», «общие философские/метафизические ориентации». Такое понимание совместимо с пониманием стансов как эпистемических политик, но отличается от куновского понятия парадигмы как дисциплинарной матрицы, т.е. широкой системы теорий, концептов, законов, методов, целей и ценностей, структурирующей область науки в течение некоторого (нор-

что проблема разногласий может быть разрешена, но лишь в рамках той или иной точки зрения, т.е. не абсолютно. Мы согласны с последней позицией, но полагаем, что она может быть обоснована только в рамках к-реализма.

1.1. «Разумный релятивизм» М. Куша

Куш определяет релятивизм (эпистемический релятивизм) как позицию, удовлетворяющую следующим пяти условиям: 1) зависимость; 2) не-абсолютизм; 3) плюрализм; 4) конфликт; 5) не-нейтральность.

Цитируем Куша [52]:

«1. Зависимость. Суждения, приписывающие эпистемический статус субъекту или мнению, т.е. эпистемические суждения, зависят от эпистемических стандартов (дословно: релятивны (relative) к эпистемическим стандартам. – И.П.). Совокупности таких стандартов образуют эпистемические системы отсчета (frameworks).

2. Не-абсолютизм. Ни один из этих стандартов или ни одна из систем отсчета не являются абсолютно корректными.

3. Плюрализм. Существует (существовало или может существовать) множество таких систем отсчета.

4. Конфликт. Эпистемические суждения в рамках различных систем отсчета могут вступать в конфликт.

5. Не-нейтральность. Когда эпистемические суждения (дозволяемые различными стандартами различных систем отсчета) вступают в конфликт, не существует (по крайней мере в некоторых важных случаях, не зависящих от системы отсчета) нейтральных способов его разрешения».

Согласно Кушу, эти пять условий принимают большинство современных релятивистов. Существует, однако, еще одно условие – равная пригодность (equal validity), – которое многие из них и сам Куш отвергают⁹:

«6. Равная пригодность. Различные эпистемические системы отсчета (их стандарты и суждения, которые они позволяют) равно пригодны»¹⁰.

мального) периода ее развития [24]. Для Д. Роуботтома, напротив, стансы – это куновские парадигмы [63].

⁹ Тезис равной пригодности относят к релятивизму, например, П. Богосян [22], К. Райт [73], М. Баграмян и А. Колива [12]. При этом Райт говорит о «паритете» (parity).

¹⁰ Для Баграмян релятивистский станс включает в себя: 1) тезис зависимости; 2) тезис равной пригодности; 3) идею плюрализма ценностей и перспектив; 4) тезис равного статуса (standing); 5) разнообразие несовместимых способов мыслить и жить; 6) отказ от сильной объективности; 7) отказ от понимания мира как полностью не зависящего от сознания

1.2. Разумный релятивизм как контекстуальный реализм

Наша интерпретация положений 1–6 в рамках к-реализма (и в терминах философии позднего Витгенштейна) следующая:

1. *Зависимость.* Суждение, приписывающее эпистемический статус субъекту (person) или мнению (эпистемическое суждение), располагается в некотором контексте или в рамках некоторой формы жизни (системы отсчета). Контекст или форма жизни определяют эпистемические стандарты, о которых говорит Куш. (Сами эти стандарты могут быть применены в разных, более конкретных контекстах в рамках одной и той же формы жизни.) От контекста или формы жизни зависят не только стандарты, но и само суждение. Последнее очевидно, если стандарты оценки (эпистемическая система) относятся к контексту употребления суждения; в этом случае релятивизм оказывается неотличимым от контекстуализма¹¹. Однако, например, Дж. МакФарлайн делает различие между контекстом употребления суждения и контекстом его оценки [57]. Это предполагает, что одно и то же содержание, определяемое контекстом употребления суждения, может быть оценено по-разному в зависимости от контекста оценки. Например, релятивист скажет, что будущие контингентности истинны или ложны в зависимости от контекста оценки. Например, он скажет, что суждение «Завтра состоится морское сражение» в контексте сегодняшнего дня, т.е. в случае, когда контекст оценки совпадает с контекстом употребления, ни истинно, ни ложно, тогда как в контексте завтрашнего дня оно однозначно истинно или ложно. Одно из возможных возражений состоит в том, что и в контексте сегодняшнего дня это суждение имеет то же самое истинное значение, которое оно имеет в контексте завтрашнего дня (просто это истинное значение сего-

и наших верований; 8) перспективизм [11]. Надо сказать, что и в своей последней книге Баграмян и Колива приписывают релятивизму тезис равной пригодности. Для них релятивизм характеризуется следующими чертами: не-абсолютизм (в качестве союзников абсолютизма рассматриваются универсализм, объективизм, монизм, инвариантизм и реализм), зависимость, множественность, несовместимость, равная пригодность, не-нейтральность [12, ch. 1].

¹¹ В известном смысле современный релятивизм превратился в контекстуализм, утверждающий релятивность к контексту. Однако если контекст фиксирован, какая-либо релятивность исчезает. Если бы всегда оставались те или иные неспецифицированные параметры (релятивизм утверждает, что истинность, рациональность или обоснованность суждения зависят от скрытых или явных параметров или системы отсчета, framework), следовало бы признать неправдоподобный скептицизм относительно смысла наших высказываний [33].

дня еще неизвестно). Релятивизм МакФарлайна сталкивается с проблемами (см., например, [12]).

С точки зрения нашего витгенштейновского к-реализма вне контекста или формы жизни суждение, строго говоря, не имеет смысла. Поэтому всякая оценка суждения возможна лишь в рамках той или иной формы жизни, и прежде всего в рамках той формы жизни, к которой оно принадлежит изначально. Это не означает, что суждение не может быть оценено в рамках другой формы жизни. Например, законы механики Ньютона истинны в рамках ньютоновской формы жизни. Они, однако, могут рассматриваться как приближенные, ложные или даже бессмысленные в рамках релятивистской или квантовой формы жизни (конечно, возможно и обратное: с точки зрения ньютоновой парадигмы приближенными, ложными или даже бессмысленными оказываются релятивистские и квантовые законы). В последнем случае происходит сравнение парадигм. При таком сравнении законы Ньютона рассматриваются в рамках новой парадигмы и, соответственно, меняют свой смысл. Это означает, что на самом деле мы имеем дело с зависимостью от контекста¹². Можно предположить, что нечто подобное происходит и в случае релятивизма МакФарлайна.

Другими словами, стандарты для суждения не являются внешними по отношению к нему: нет смысла навязывать «одному и тому же» суждению разные стандарты. Зависимость, о которой говорит релятивист Куша, – это условие существования самого суждения. Таким образом, суждение по самой своей природе не «абсолютно», а «относительно». Оно относится к своим стандартам, подразумевает их и их употребление в контексте. Совокупность таких стандартов образует эпистемическую систему отсчета – составляющую часть формы жизни суждения. Поэтому суждение также относится к своей эпистемической системе отсчета, вне которой оно не имеет смысла. У Витгенштейна разные формы жизни имеют разные «грамматики» – нормативные и логические структуры. Различные эпистемические стандарты и системы относятся к разным формам жизни, являются частями разных грамматик.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что по своей сути условие 1 означает всепроникающую зависимость (суждений, норм,

¹² Еще Ницше писал: «Теперь начинает становиться ясным в пяти, быть может шести, головах, что физика – тоже просто интерпретация мира и организация... а не объяснение мира» (“Es dämmert jetzt vielleicht in fünf, sechs Köpfen, dass Physik auch nur eine Welt-Auslegung und Zurechtlegung ... und nicht eine Welt-Erklärung ist”) (перевод наш. – И.П.; цитируется в [48, p. 136]).

стандартов, эпистемических систем и самих форм жизни) от контекста, контекстуальность отвергает абсолютизм. А положения 2–5, как мы увидим, – являются следствиями или вариациями этого положения.

Отметим также, что наше принятие контекстуализма (отказ от абсолютизма), а точнее говоря, к-реализма – не тезис или абсолютистская метафизическая доктрина, а своего рода станс (см. также ниже о наличии у реализма измерения ангажированности). И действительно, если бы М. Куш рассматривал свои условия 1–5 как (абсолютные) тезисы (тезис зависимости, тезис не-абсолютности и т.д.), это бы входило в противоречие с его релятивистским стансом, было бы смесью абсолютизма и релятивизма, против чего он выступает. На самом деле условия 1–5 скорее негативные, а не позитивные: они отвергают соответствующие (абсолютные) тезисы: независимость, абсолютизм, монизм, бесконфликтность, нейтральность.

2. *Не-абсолютизм*. Поскольку по определению ни один из контекстов, ни одна из форм жизни не являются «абсолютно корректными», ни один стандарт также не является абсолютно корректным. Точнее говоря, об абсолютной корректности не имеет смысла говорить. То есть не-абсолютность следует понимать именно как зависимость от контекста или формы жизни. Не-абсолютность есть контекстуальность.

3. *Плюрализм*. Поскольку контексты и формы жизни плюралистичны по самой своей природе, системы отсчета (и стандарты) в смысле Куша плюралистичны. Причем здесь нет никакой предопределенности. Не имеет смысла говорить о контекстах или формах жизни (системах отсчета) как о чем-то абсолютном или предопределенном. На самом деле это не объекты, а условия существования объектов, суждений, стандартов, смысла, мнений, истины (истинности и ложности), знания и т.д.

4. *Конфликт*. *Prima facie* э-суждения, относящиеся к разным контекстам или формам жизни, не могут вступать в подлинное противоречие (и в этом смысле в конфликт), так как не имеет смысла их сравнивать: сравнивать имеет смысл лишь суждения, относящиеся к одной и той же форме жизни, подчиняющиеся одним и тем же нормам (стандартам). Суждения, на первый взгляд противоречащие друг другу, могут иметь разные содержания (следует внимательно посмотреть на контекст). Такого рода контекстуализм, однако, не позволяет объяснить ощущение или даже существование реального противоречия или конфликта. (Поэтому, например, в рамках релятивизма МакФарлайна, как

было сказано выше, делается попытка по-разному оценить, т.е. в разных контекстах оценки, одно и то же содержание суждения, определяемое контекстом его употребления.)

Подлинный конфликт можно рассматривать как конфликт нормативный. Разногласия в рамках формы жизни, когда из двух осмысленных и противоречащих друг другу суждений одно истинно, а другое ложно, достаточно легко разрешимы. Разногласия между суждениями, подчиняющимися разным нормам, имеют другой характер. На самом деле речь идет о том, какой норме отдать предпочтение. Например, возможна следующая ситуация: с точки зрения одной нормы существует некоторый (реальный) объект (данное, факт, событие), тогда как с точки зрения другой нормы он не существует, а существует другой (реальный) объект (данное, факт, событие). Онтология (и, соответственно, эпистемология и семантика) зависит от контекста (формы жизни, «перспективы»), от которого зависит норма (грамматика), позволяющая идентифицировать объекты (данное, факты, события). Применительно к эпистемологии: может быть, что с точки зрения одной нормы (эпистемического стандарта) мнение субъекта рационально (обосновано, является знанием), а с точки зрения другой – нет.

Итак, между субъектами могут возникать непреодолимые на первый взгляд разногласия по вопросу о том, что дано о Данном. Данное, в том числе и эмпирическое Данное, не абсолютно, а зависит от контекста, от выбора нормы. Соответственно, между субъектами могут возникать на первый взгляд непреодолимые разногласия о том, что истинно, обоснованно, что они знают, а что не знают. Например, спор между кардиналом Белармином и Галилеем частично (и лишь частично) был спором о выборе норм исследования (о других аспектах этого спора см. ниже).

Для релятивиста в буквальном смысле слова одно и то же осмысленное суждение может быть истинным или ложным в зависимости от точки зрения. То есть одно и то же содержание может быть истинным или ложным в зависимости от выбора стандартов его оценки. (Например, как было сказано выше, семантический релятивизм МакФарлайна претендует на подлинность и самосогласованность. Последнее, однако, оспаривается – см., например, [12].) Контекстуалист утверждает, что в действительности речь идет о разных содержаниях, а сама формула «истинно с такой-то точки зрения» нарушает грамматику понятия истины [17, ch. 2]. По определению истина объективна. «Истинно с точки зрения...» – противоречивая синтаксическая конструкция или же новое понятие истинности: «истинно-с-такой-то-точки-зрения» [12, ch. 3].

5. *Не-нейтральность*. Поскольку контекстуальность (не-абсолютность) всепроникающая, не имеет смысла разрешать конфликт между суждениями (и нормами) «с точки зрения Бога», или «ниоткуда» (это была бы попытка понять релятивизм или к-реализм с точки зрения абсолютизма). Не-нейтральность, опять же, – условие, т.е. скорее станс, а не тезис. Это отказ от тезиса нейтральности.

Формы жизни (и, соответственно, нормы, грамматики) несоизмеримы по определению. Нормы несоизмеримы постольку, поскольку они принимаются в качестве норм. Они идеальны, вместе с тем если это подлинны нормы, то функционируют в реальности. Они не реальность *sui generis*. С точки зрения к-реализма нормы и реальность относятся к разным категориям.) В то же время предложение, выражающее норму, может превратиться в истинное (и в специфическом контексте даже ложное) предложение. Оно может потерять свой нормативный статус и стать эмпирическим предложением, истинным или ложным. Витгенштейн употребляет метафору русла реки, которое постепенно размывается или меняет направление. В этом случае оказывается возможным сравнение форм жизни и норм. Но это, опять же, происходит в рамках некоторой формы жизни, в некоторой системе отсчета (контексте), а не абсолютно. В этом смысле «нейтральных» способов разрешения конфликта (нормативного, между стансами, парадигмами, перспективами и т.д.) не существует¹³.

Даже разрешение спора между кардиналом Белармином и Галилеем в пользу последнего нельзя назвать абсолютным. С точки зрения на-

¹³ Для Фейерабенда несоизмеримость двух парадигм *A* и *B* означает, что соответствующие этим парадигмам факты «нельзя сопоставить, даже по памяти: представление *B*-фактов означает приостановку действия принципов, предполагаемых конструкцией *A*-фактов. Все, что мы можем сделать, – это нарисовать *B*-картинки *A*-фактов в *B* или ввести *B*-утверждения *A*-фактов в *B*. Мы не можем употребить *A*-утверждения *A*-фактов в *B*. Невозможно также перевести язык *A* в язык *B*» [34, р. 270–271]. Если выразить то же самое в витгенштейновских терминах, формы жизни или языковые игры, рассматриваемые сами по себе, несоизмеримы (по определению). Но существуют формы жизни и языковые игры, в которых первоначально несоизмеримые формы жизни и языковые игры могут сопоставляться, сравниваться. При этом, однако, первоначальные утверждения меняют свой статус. Например, утверждение о том, что Солнце вращается вокруг Земли, с точки зрения гелиоцентрической формы жизни ложно. Это «картинка» первоначального утверждения в рамках геоцентрической формы жизни, сформулированная при помощи гелиоцентрических, а не оригинальных геоцентрических принципов. Мы говорим не просто о гео- или гелиоцентрической системе, а о форме жизни. Позиции Белармина и Галилея различались не по какому-то одному фундаментальному принципу, а по целому ряду верований и стансов, включающих ценности, эмоции, политики и предпочтения.

шей современной формы жизни, включающей в себя достижения науки Нового времени (в частности, механику Ньютона) и современной науки, гелиоцентрическая концепция имеет преимущества (можно сказать: в сравнении с геоцентрической системой является истинной), но она не является абсолютной (ее истинность не абсолютна), не является «универсальной».

Требование универсальности, универсализм можно критиковать как разновидность догматизма. Например, А. МакИнтайр выступает против универсальной рациональности, универсализма в этике и полагает, что релятивизм содержит долю истины, отвергая в то же время иррационализм [58]. Эпистемологический анархизм П. Фейерабенда отвергает существование жесткой системы методологических норм, одной универсальной системы правил, в том числе и правил рациональности, для научного исследования [34]. Будучи менее радикальным, эпистемический волонтаризм/либерализм Б. ван Фраассена, согласно которому единственным ограничением на рациональность является условие непротиворечивости (самосогласованности – consistency), отказывается от объективированной эпистемологии и признает логику, теорию вероятностей и практические силлогизмы в качестве нейтрального арбитра в споре между различными позициями (стансами) [43]¹⁴. Минимальный абсолютизм ван Фраассена ошибочен, поскольку любая рациональность вторична по отношению к форме жизни, определяется в рамках последней, а не независимо от нее. Рациональность укоренена в форме жизни, опыте, реальности, вырабатывается на опыте и в реальности, и в этом смысле она может быть только вторичной и локальной и не может быть полно-

¹⁴ П. Теллер защищает «волонтаризм» ван Фраассена и определяет его так: «В той мере, в какой речь идет о рациональности, базовые верования и правила могут выбираться произвольно до тех пор, пока соблюдается непротиворечивость и пока выбор заключает в себе подлинное обязательство (commitment)» [65, p. 58]. Теллер говорит об ответственности в выборе верований и правил. С точки зрения нашего к-реализма мы не можем выбирать нормы (особенно наиболее общие и глубинные нормы) произвольным образом, так же как мы не можем выбирать произвольным образом нашу форму жизни. Мы можем лишь идентифицировать и вырабатывать нормы в реальности, что требует более или менее значительных усилий. Выражение «подлинное обязательство», употребляемое Теллером, указывает именно на это. Теллер также отвергает объективную рациональность, которую мы понимаем как мифическую универсальную (глобальную, полностью интеллектуализированную и, следовательно, абсолютизированную) рациональность эпохи Просвещения. Такая рациональность (а на самом деле псевдорациональность), своего рода «сверхарбитр» (über-arbiter), как предполагалось, должна была быть способна однозначно разрешить любые противоречия и споры. Теллер пишет: «Сначала умер Бог, а теперь умерла (объективная) рациональность!» [65, p. 58].

стью операциональной, доступной рефлексии [3]¹⁵. С этой витгенштейновской позицией согласуются экстерналистская сначала знание-эпистемология Т. Уильямсона [68; 69] и интерпретация витгенштейновского анализа структуры рациональности, предложенная Д. Притчардом [61]. С этой позицией совместима и релятивистская позиция Куша, согласно которой непротиворечивость и самосогласованность – тоже не абсолютные ценности. Для Куша само понятие рациональности станса зависит от станса, варьирует от одного станса к другому. Нет никакой абсолютной рациональности, позволяющей оценить рациональность станса со стороны. И степень рациональности станса зависит от того, как понимать его рациональность. Для нас станс – широкая перспектива, точка зрения, форма жизни. Поэтому рациональность станса определяется грамматикой формы жизни, укорененностью перспективы в реальности.

Но требование универсальности, как мы полагаем, может быть понято в рамках к-реализма как требование аналитическое (логическое): универсальность просто означает существование норм. Всякая норма (принцип, теория, закон) универсальна в том смысле, что она пригодна всюду и всегда, где и когда она имеет смысл, определена; т.е. тавтологически она пригодна в своей области применимости и не имеет смысла вне этой области. Другими словами, подлинный универсализм нормы (принципа, теории, закона) можно понять, как не имеющее исключений (поскольку тавтологическое) ее принятие в своей области применимости, или как существование ее области применимости. Нами отвергается универсальность норм в смысле их применимости в любой области, что на самом деле равносильно вообще отсутствию области применимости, реальной ангажированности. Такие «универсальные» нормы – псевдонормы. Они оторваны от реальности. Подлинные нормы вырабатываются и укоренены в реальности, т.е. имеют реальные условия, парадигматические случаи своего применения, предполагают измерение ангажированности¹⁶.

Ангажированность позиции догматика иллюзорная, поскольку де-контекстуализированная, оторванная от реальности. Это худшая разновидность абсолютизма. Последний тоже игнорирует зависимость от контекста, так как он абсолютизирует один-единственный контекст или же

¹⁵ В связи с этим отметим, что для Фейерабенда, согласно Кушу, «принципы рациональности являются внутренними по отношению к парадигмам или мировоззрениям» [50].

¹⁶ В свете этого можно благожелательно интерпретировать релятивизм Фейерабенда, выступающего против «универсальных законов и универсальных идей, таких как Истина и Разум» [34, р. 189]. См. анализ позиции Фейерабенда в [50; 51].

осознанно пытается отстоять свою позицию вне контекста. Декартовская абсолютная достоверность, кантовская вещь в себе, кантовские абсолютные категории и трансцендентальный субъект, гегелевская абсолютная идея, абсолютная логика Фреге, *sense-data* логических эмпиристов, абсолютные феномены в некоторых разновидностях феноменологии (например, донатьен Ж.-Л. Мариона), даэин М. Хайдеггера, аналитические истины, трансцендентные истины, метафизическая необходимость, (абсолютные) необходимость и априорность, внешний мир (с точки зрения метафизического реализма) и т.д. – примеры метафизических Абсолютов, от которых следует избавиться (см. также [18])¹⁷.

Радикальный релятивизм можно понять как реакцию на догматизм и абсолютизм. Позитивная сторона этой реакции в том, что релятивист – плюралист. В то же время радикальный релятивист, формально признавая плюрализм позиций, придерживается своей собственной позиции догматически или абсолютистски. Такой догматический или абсолютистский (метафизический) релятивизм мы отвергаем. Он лишь на первый взгляд обладает эпистемическими достоинствами, перечисленными выше. Как показала М. Баграмян, на самом деле это порочная эпистемическая позиция [11].

Примером отсутствия нейтрального критерия и, тем не менее, возможности разрешения на первый взгляд неразрешимых разногласий является упомянутый выше спор между кардиналом Белармином и Галилеем, который частично был спором о выборе норм для оценки вопроса о движении Земли и Солнца. Кардинал основывался не только на нормах науки, но также и на нормах Священного писания. С другой стороны, можно, как это делает Куш, утверждать, что позиции обоих удовлетворяли требованиям эпистемической добродетельности. Различие между

¹⁷ Можно сказать по-другому: абсолютная достоверность, абсолютная необходимость, абсолютная универсальность (в смысле неограниченной применимости некоторого положения, принципа, теории, нормы, что означает на самом деле отсутствие области применимости; таковы псевдотеории и псевдоконцепты) и т.д. Дело не в самих достоверности, необходимости и проч., а в их абсолютизации. Понятия, претендующие на абсолютность, не должны или бессмысленны сами по себе. Они могут быть контекстуализированы. Например, вместо абсолютной картезианской достоверности можно говорить о достоверности языковых игр или логической достоверности петлевых предложений Витгенштейна, вместо абсолютной метафизической необходимости – о необходимости правила, которое трактуется с точки зрения к-реализма как в-правило, вместо абсолютной точности – о корректности применения нормы/правила в контексте (абсолютная точность безотносительно к контексту не имеет смысла, является идеальной), вместо абсолютной универсальности – об универсальности правила в области своей осмысленности, определенности, вместо абсолютного феномена – об измерении нормой реальности в контексте (в рамках языковой игры) [3; 17]. И так далее.

ними было в том, что каждый делал акцент на определенных добродетелях: если кардинал предпочитал, например, эпистемическое смирение, то Галилей – интеллектуальную смелость и открытость ума [52]. В результате развития науки предпочтение было отдано гелиоцентрической позиции Галилея. В то же время нельзя сказать, что разногласие между оппонентами было разрешено некоторым нейтральным (абсолютным) способом. Галилей оказался прав, а кардинал Белармин ошибался с точки зрения нашей современной формы жизни¹⁸.

6. *Равная пригодность*. Требование не-абсолютизма (2) не следует смешивать с требованием равной пригодности. Как следует из условия 5, различные системы отсчета (нормы, суждения) не могут иметь равную пригодность в некотором абсолютном (нейтральном) смысле. Как оказалось, система отсчета (нормы, суждения) кардинала Белармина не имеет ту же пригодность, что система Галилея. Верно, однако, и обратное: неравнозначность систем отсчета также относительна, зависит от системы отсчета.

Имеют ли одинаковую пригодность механика Ньютона и квантовая механика или теория относительности? М. Куш (вместе с некоторыми релятивистами, например П. Фейерабендом) утверждает, что это не так. Также и тезис *anything goes* неверен¹⁹. Фейерабенд хотел лишь сказать, что любые принципы, любые нормы рациональности имеют исключения и в результате научного прогресса старые теории и принципы преодолеваются. Это требует уточнения.

¹⁸ Ван Фраассен говорит о «конверсии» – переходе от одного станса к другому. Он сравнивает его с идейной, религиозной или идеологической конверсией [42, p. 60].

¹⁹ Куш приводит аргументы в пользу того, что почти никто из реальных (а не воображаемых, теоретически сконструированных) релятивистов не придерживается этих положений. В частности, ни он сам, ни такие релятивисты, как Д. Блур, Л. Коуд, П. Фейерабенд, на самом деле не принимают позицию, выражаемую лозунгом *anything goes* [47–50]. Такая интерпретация – другая крайность. Все же мы полагаем, что лозунг Фейерабенда *anything goes* можно интерпретировать благожелательно. Его можно понять не буквально, а в том смысле, что всякое суждение, всякая научная теория, всякий принцип имеют условия (область, пределы) своей применимости. Научный прогресс состоит в преодолении устоявшихся пределов знания, т.е. в «опровержении» устоявшихся суждений, теорий и «нарушении» принципов, что на самом деле есть не опровержение и нарушение, а обобщение – переход к новым суждениям, новым (более общим) теориям и принципам. Это так и в физике, и в математике. Достаточно вспомнить, что евклидова геометрия и постулат о параллельных считались абсолютно верными. Они оказались «опровергнутыми» геометриями Лобачевского и Римана. Классическая механика Ньютона оказалась «опровергнутой» теорией относительности и квантовой механикой. В этом смысле суть науки состоит в постоянном «опровержении» самой себя [4].

С точки зрения нашего к-реализма каждая теория имеет свою область применимости, так сказать пригодности (мы трактуем теорию как витгенштейновское правило по аналогии с трактовкой концептов и концептуальных схем [3]). В этом отношении ни одна из них не является менее пригодной, чем другая. Эти области, вообще говоря, не совпадают, и, стало быть, не имеет смысла сравнивать, какая теория более, а какая менее пригодна. С другой стороны, в контексте одной теории другая теория может рассматриваться как приближенная и, строго говоря, неверная. В этом плане одна из них может рассматриваться как менее пригодная. Выше приведен пример трактовки классической механики с точки зрения квантовой механики или специальной теории относительности (СТО) и обратной трактовки СТО или квантовой механики с точки зрения классической механики. В частности, СТО и квантовая механика могут рассматриваться как приближенные (менее пригодные) теории в области применимости классической механики. Таким образом, условие о равной пригодности нарушается при сохранении условия неабсолютизма.

Отметим, что не все положения релятивизма можно трактовать желательно и переформулировать (интерпретировать) в рамках к-реализма. Например, Фейерабенд считает, что каждая интеллектуальная система иногда нуждается в «иррациональных средствах, таких как пропаганда, эмоции, гипотезы *ad hoc*, апелляция ко всякого рода предрассудкам» [34, р. 154]. Куш полагает, что лишь в этом смысле можно говорить, что Фейерабенд принимает условие о равной пригодности. Мы не согласны с Фейерабендом и Кушем относительно роли иррациональности – подлинно релятивистского момента. Другое дело, что рациональность не может быть глобальной (в смысле чисто интеллектуалистской), подлинная рациональность подразумевает локальную укорененность в форме жизни, опыте, реальности [6; 7]. В то же время никакая интеллектуальная система в полной мере не избавлена от иррациональных и метафизических недостатков. Это, однако, не означает, что она нуждается в них. Иррациональность и метафизика – та лестница, которую впоследствии, как говорит в «Трактате» Витгенштейн, следует отбросить.

Например, для Фейерабенда «коперниканство и другие “рациональные” точки зрения сегодня существуют лишь потому, что в некоторый момент в прошлом разум (reason) был отменен» [34, р. 155]. Для него без постоянного отказа от рациональности (reason) нет прогресса [34, р. 179]. Стратегию Ньютона, состоящую в мобилизации очевидности

в пользу своей теории, Фейерабенд сравнивает с политической пропагандой [35]. На самом деле выработка новых концептов, концептуальных схем, теорий и языка – не иррациональный процесс. Это процесс обобщения уже существующих концептов, схем, теорий, языка. Об «отмене» или преодолении разума, рациональности можно говорить лишь в смысле преодоления старой, ограниченной, имеющей свою область применимости рациональности. Можно, конечно, согласиться с этим и в то же время утверждать, что сам переход к новому на первоначальном этапе требует иррациональных актов, необоснованных скачков в неизвестное, что процесс обобщения поначалу не является рациональным, а лишь постфактум получает рациональное обоснование в рамках более широкой рациональности. Но мы отвергаем такой взгляд, ссылаясь на витгенштейновскую проблему следования правилу. Следование правилу, как мы понимаем Витгенштейна, «слепо» и «спонтанно», но не иррационально. И оно может приводить к изменению самого правила – обобщению (научной революции) [4]. То есть в результате научной революции происходит не просто изменение норм, а рациональное изменение норм, которое в то же время не есть применение нормы для изменения нормы (согласно Витгенштейну, в конечном итоге не существует правила для следования правилу)²⁰. Как пишет Х. Филд, «изменение, которое мы считаем рациональным, не обязано быть изменением, которое было осуществлено согласно норме рациональности. ...Это ослабляет аргумент в пользу веры в “высший уровень норм”, направляющих наше поведение» [38, р. 285]. Иррациональные элементы всегда присутствуют, но они не помогают, а мешают научному прогрессу, т.е. расширению области познания. Собственно говоря, Фейерабенда можно благожелательно интерпретировать именно так. Он пишет: «“Иррациональность” переходного периода преодолевается... детерминированным производством нонсенса до тех пор, пока произведенный материал достаточно богат, чтобы позволить бунтарям выявить, а всем признать новые универсальные принципы» [34, р. 270] (Фейерабенд цитируется в [50]). (См. наш анализ периода перехода от старой парадигмы к новой и процесса революционных преобразований в науке в [4].)

²⁰ Согласно М.А. Финокьяро, рассуждения докоперниканцев, что Земля неподвижна и находится в центре Вселенной, были по сути верными. Поэтому коперниканская революция не доказывает, что все они или почти все могут быть нерациональными. Как раз наоборот: она доказывает рациональность человечества, в том числе и в процессе перехода от одной точки зрения к другой. В то же время она доказывает, что почти все могут иметь ложное убеждение [40, р. 227–228].

II. Контекстуальный реализм как эпистемически добродетельный станс

Релятивист приписывает своей позиции все упомянутые выше во Введении интеллектуальные эпистемические добродетели, и в первую очередь толерантность. М. Куш, например, считает толерантность сердцевинной релятивистской установкой. Мы полагаем, что отказ от объективной истины²¹ и знания как фундаментальных эпистемических норм обесценивает так называемую релятивистскую толерантность. Релятивистскую толерантность критикует Т. Уильямсон [70]. К аналогичному выводу приходит и М. Баграмян: эпистемические пороки релятивиста перевешивают его достоинства [11]. Многое зависит, однако, от того, что понимать под релятивизмом. Разумный релятивизм М. Куша, интерпретированный подходящим образом, действительно имеет добродетели и лишен тех неустранимых пороков, которые антирелятивисты приписывают релятивизму. Но это скорее добродетели не релятивизма как такового, а неметафизического (не абсолютистского) к-реализма.

Далее проанализируем происхождение ложных посылок и предположений релятивизма, которые лежат в основе его порочности.

II.1. Тезис равной пригодности

Существует несколько объяснений, почему связь между релятивизмом и *тезисом равной пригодности* кажется естественной [52].

Согласно релятивисту, все э-суждения релятивны к эпистемическим системам отсчета. Предположим, что э-суждения, $J1$ и $J1$ релятивны соответственно к эпистемическим системам $F1$ и $F2$ и противоречат друг другу. Тем не менее для релятивиста $J1$ и $J2$ «релятивно правильные» (и правильными абсолютно быть не могут), т.е. правильные относительно систем соответственно $F1$ и $F2$. Сами эти системы не могут рассматриваться как абсолютно пригодные (и в этом смысле правильные). Они тоже могут быть лишь «релятивно правильными». То есть их можно оценить лишь в употреблении их самих или некоторой другой системы отсчета. (Понятие употребления, заметим, играет определя-

²¹ Истина объективна, т.е. не зависит (в нетривиальном смысле) от сознания, языка, концептуальных схем, теорий по определению (это утверждение – эпистемический реализм). Некоторые релятивисты смешивают объективность и абсолютность. Истина объективна, но не абсолютна, а многообразна, зависит от контекста.

щую роль. В рамках нашего к-реализма оно соответствует употреблению правила, т.е. языковой игре, или же форме жизни.) На этой стадии рассуждения не-абсолютность (относительность) еще не смешивается с равной пригодностью.

Смешение происходит следующим образом: «Некоторые абсолютисты думают, что назвать $J1$, $J2$, $F1$ и $F2$ просто “релятивно правильными” – значит утверждать, что они вовсе не правильные. И это делает естественным утверждение, что $J1$, $J2$, $F1$ и $F2$ равно пригодны: они равно пригодны в том, что они не истинны» [52]. Это выход из релятивистской перспективы, переход к перспективе абсолютиста. М. Куш пишет: «В перспективе абсолютиста это прочтение релятивистской позиции имеет смысл. Но этот аргумент против релятивиста позволяет считать спорный вопрос решенным, так как для релятивиста отрицание абсолютной корректности не есть отрицание корректности *per se*» [52]. Другими словами, абсолютист рассуждает так, как если бы для релятивиста истина была условным понятием. (Заметим, что для релятивиста, принимающего, что истина есть «истина-для-нас», о чем см. выше, так оно и есть.) С точки зрения к-реализма контекстуальная истина, конечно, – не условная истина, а объективная истина *tout court*.

Другие абсолютисты, согласно Кушу, рассуждают иначе: структуры обоснований суждений $J1$ и $J2$ «параллельны» друг другу ($J1$ обосновывается с точки зрения $F1$, а $J2$ обосновывается с точки зрения $F2$), а эпистемические рамки (системы отсчета) $F1$ и $F2$ являются самосогласованными, внутренне обосновывающими самих себя ($F1$ – с точки зрения $F1$, а $F2$ – с точки зрения $F2$). Этот «параллелизм» – абсолютистский взгляд со стороны, который релятивизм в смысле Куша отвергает. Для релятивиста обоснование и сравнение систем $F1$ и $F2$ возможны только с некоторой точки зрения и, следовательно, не абсолютны. При этом может оказаться, что две системы действительно одинаково пригодны, но может также оказаться, что одна система является предпочтительной. (См. выше наш пример сравнения классической механики Ньютона, с одной стороны, и СТО или квантовой механики, с другой стороны.)

Наконец, абсолютист может возразить, что в системе отсчета релятивиста все точки зрения равноправны, имеют равную пригодность. Но это возражение опять же предполагает, что для релятивиста существует некая абсолютная система отсчета.

Таким образом, тезис равной пригодности – абсолютистский тезис. Сама равная пригодность эпистемических систем (стандартов) относительна, зависит от эпистемической системы (стандартов) оценки этих

систем и их равной или неравной пригодности. Радикальный (абсолютистский) релятивист принимает не-абсолютность за равную пригодность. Абсолютизм пытается опровергнуть релятивизм в рамках своей абсолютистской позиции, смешивая элементы абсолютизма и релятивизма²², а не показать, что релятивистский станс сам по себе оказывается невозможным или неприемлемым.

II.2. Ложные посылки и предпосылки радикального релятивизма

Выше мы рассмотрели тезис равной пригодности и отвергли его. Релятивистское *anything goes* можно вывести из этого тезиса. Но существуют и другие ложные посылки радикального релятивизма, которые М. Куш отвергает: тезисы *самооправдания*, *непогрешимости* (инфаллибизм) и *произвольного выбора*.

«(Самооправдание (self-vindication)) для каждой системы отсчета мнения, которых придерживаются люди, употребляющие эту систему отсчета, истинны относительно этой системы отсчета» [52]. Так сформулированный тезис предполагает абсолютное самооправдание, что противоречит релятивизму в смысле Куша. Принятие этого тезиса действительно эпистемически порочно, так как означает невосприимчивость к какой-либо критике, отсутствие подлинного интереса к другим точкам зрения, замыкание в рамках собственной точки зрения, эпистемическую несправедливость и т.д. Предельным случаем такой позиции является «(Инфаллибизм) Верование *S*, что *p*, гарантирует, что *p* истинно для *S*» [52]. Если принять тезис самооправдания, то в своих собственных рамках э-суждение может оказаться ложным (что может быть с легкостью обнаружено и исправлено), но оно не может оказаться ложным при его сравнении с другими э-суждениями. Это очевидно абсолютистский взгляд, согласно которому э-суждение оказывается истинным или ложным абсолютно, хотя и с точки зрения своих собственных эпистемических стандартов. Для инфаллибилиста мнение, которого придерживается субъект, не может оказаться ложным даже с точки зрения своих собственных

²² Форму релятивизма, который смешивает абсолютные и относительные принципы, мы называем догматическим (абсолютистским) релятивизмом. (П. Богосян называет ее «абсолютным релятивизмом» [23].) Таким образом, абсолютистский монизм (догматизм) и абсолютистский (догматический) релятивизм (плюрализм) – две крайности, страдающие от эпистемических пороков. Монизм непротиворечив, но однобок, тогда как догматический релятивизм плюралистичен, но самопротиворечив.

стандартов, так как таковых не существует. Именно против такой позиции – «верю в то, во что хочу и в той мере, в которой хочу» выступал С. Блэкберн [20]. Это субъективистский релятивизм Протагора. Следствием являются тезис равной пригодности и релятивистское *anything goes*.

Аргументы М. Баграмян в пользу эпистемической порочности релятивистского станса основаны на принятии предпосылок и посылок абсолютистского релятивизма, которые релятивизм Куша отвергает. Разумный релятивист делает различие между видимостью и реальностью, истиной и ложью, добром и злом, но лишь в рамках той или иной точки зрения, а не абсолютно. Он допускает, что может ошибаться, что его точка зрения может оказаться ошибочной с более общей или другой точки зрения, что его стандарты могут оказаться нерелевантными, противоречивыми, несовместимыми с другими стандартами (убеждениями, предпочтениями, желаниями) или что их следует изменить. Он может инкорпорировать в свою эпистемическую систему стандарты или верования из другой эпистемической системы. При этом, как пишет М. Куш, «эпистемические действия релятивиста направляются (некоторыми) настоящими его стандартами». Это означает, что они никогда не являются иррациональными. Мы бы сказали, что релятивизм Куша – нормативный релятивизм. Именно апеллирование к нормам, которые зависят от контекста, позволяет сделать указанные выше различия, трансформировать нормы или заменить нерелевантные нормы релевантными. Вопрос, однако, в том, каково происхождение этих норм. Можно ли, как это делает М. Уильямс [66], делаем мы [60] и делал, например, Л. Лаудан [54; 55], говорить о нормативном натурализме? ²³ Нормы есть, например, и в трансцендентальной феноменологии Гуссерля, но они не укоренены в реальности, а обнаруживаются в рамках автономных явлений. Как нам представляется, отказ от следующего тезиса – тезиса произвольного выбора и апеллирование к так называемому принципу контингентного выбора позволяет трактовать позицию Куша как к-реализм²⁴.

²³ Согласно нормативному натурализму Лаудана не существует последних и неизменных норм прогресса и научного метода, нормы возникают в процессе самого прогресса [54; 55; 56]. Эта позиция совместима как с релятивизмом, так и с реализмом. Лаудан, как и мы, отвергает релятивизм. Вообще, разные философские позиции – позитивизм, прагматизм, реализм, релятивизм и др. образуют некоторое семейство и имеют общие моменты. Это и неудивительно, так как все они, на наш взгляд, представляют собой те или иные отклонения от правильной позиции подлинного реализма – к-реализма.

²⁴ Сам Куш не углубляется в вопросы онтологии. Его релятивизм – эпистемическая позиция.

Тезис *произвольного выбора* (кратчайший путь к радикальному релятивизму *anything goes*) имеет следующий вид: «Пусть S – эпистемический субъект, I – информация, которой он располагает, и B – мнение, которого S придерживается. S эпистемически безупречен (blameless), если он выбирает такие эпистемические стандарты E , чтобы сделать свое мнение B эпистемически рациональным» [52]. На наш взгляд, этот тезис ставит телегу впереди лошади: не информация и, соответственно, мнение, оцениваются согласно контекстуальным стандартам, а стандарты выбираются в зависимости от имеющейся информации. Таким образом, манипулирование информацией и, соответственно, стандартами, может сделать любое мнение рациональным. Принцип *континджантного выбора* (его принимает Д. Блур) Куш формулирует так: «Пусть S – эпистемический субъект, I – известная ему информация. Мнения, которые S будет рассматривать как рационально позволительные или обязательные, зависят от двух взаимосвязанных совокупностей континджантностей: локально, социально и исторически укорененных и доступных эпистемических стандартов E и локально операционных целей, ценностей и интересов S и других субъектов в сообществе S » [52]. Это дескриптивный, а не нормативный принцип, указывающий субъекту, как он должен действовать. Принцип описывает, каким образом функционирует эпистемическое сообщество, рациональность. Этот принцип совместим с нашим к-реализмом.

М. Баграмян обвиняет релятивиста не только в догматизме, но и в таком эпистемическом пороке как «эпистемическая беззаботность» (insouciance). Это понятие, введенное К. Кассамом и используемое им, в частности, при анализе эпистемической порочности сторонников теорий заговора [27; 28]. Эпистемически беззаботный агент не беспокоится об истинности своих мнений и убеждений, о том, чтобы они были подкреплены очевидностью, имели реальное основание. Такой агент, *bullshiter* (производящий бессмыслицу), как его называет Х. Франкфурт, «ни на стороне истины, ни на стороне лжи... Он не беспокоится о том, корректно ли описывает реальность, то, о чем он говорит» [44, р. 55–56]. Анализируя понятие нонсенса, Франкфурт ссылается на Витгенштейна²⁵.

²⁵ Особенно много нонсенса содержит политический дискурс. С господством релятивизма связывают и такие понятия, как «пост-истина» и «альтернативные факты». А. Барро, однако, на наш взгляд, справедливо утверждает, что альтернативные факты существуют [14]. На самом деле суть науки заключается в открытии альтернативных фактов. Например, квантово-механические факты (явления) – альтернатива фактам (явлениям) классической меха-

На самом деле приписывание разумному релятивизму и этого эпистемического порока – результат принятия абсолютистской точки зрения на релятивизм, смешивания абсолютизма и релятивизма. По сути, абсолютист отрицает контингентность норм. Критикуя релятивизм в рамках своей абсолютистской позиции, он принимает контингентность за произвольность. Между тем контингентность, т.е. отсутствие абсолютных и метафизических необходимостей, к которым стремится абсолютист, не означает, что «все дозволено». Если использовать нашу терминологию к-реализма, речь идет о принятии во внимание контекстуальности норм, т.е. их укорененности в реальности. Это означает, что не нормы определяются (произвольным образом, конвенционально) исходя из имеющейся информации для мнения (в результате любое мнение можно сделать удовлетворяющим той или иной эпистемической норме, в этом случае мнение будет «рационально» в чисто условном смысле: «рационально в таком-то смысле»), а имеющаяся информация оценивается в соответствии с нормами, чтобы выяснить, достаточна она или нет. Нормы реальны в том отношении, что они произведены в реальности и, соответственно, укоренены в ней; они реальны в смысле своей объективности, непроизвольности, но не в смысле, что они являются частью реальности или реальностью *sui generis*. Нормы можно идентифицировать путем внимательного изучения условий (ситуации, контекста), в которых располагаются субъект и его сообщество. Другими словами, суждения и мнения оцениваются исходя из объективных норм, которые не абсолютны, а вариабельны, плюралистичны, зависят от контекста.

II.3. К-реализм как станс

Б. ван Фраассен полагает, что не только его эмпирицизм, но также и материализм, и реализм могут рассматриваться как стансы. М. Куш и М. Баграмян считают, что релятивизм тоже лучше понимать как станс и что эпистемология добродетелей полезна для оценки этого станса. Отвечая на критику Баграмян, направленную против релятивизма, Куш указывает на видимое противоречие, которое содержит ее позиция: с одной стороны, Баграмян обвиняет релятивиста в догматизме, т.е. в том, против чего релятивист выступает, а с другой – утверждает, что релятивист страдает от порока эпистемической беззаботности. Противо-

ники. Альтернативный факт возникает при изменении точки зрения (контекста) на один и тот же (неконцептуализированный) «кусочек реальности» [3].

речия, быть может, и нет, так как речь идет именно об абсолютистском релятивизме. Беззаботность абсолютистского релятивиста относится к его плюрализму, а догматизм – к каждой отдельной позиции (и в первую очередь к своей собственной). На самом же деле подлинных убеждений, подлинной ангажированности недостает как у релятивиста, так и у абсолютиста и догматиста. Подлинная ангажированность может быть лишь у к-реалиста. Именно реализм предполагает измерение реальной ангажированности субъекта – ангажированности реальностью (а другой ангажированности не бывает). Антиреализм, и в частности релятивизм (а не релятивизм, интерпретированный как к-реализм), игнорируют это измерение. В этом смысле, как пишет М. Битболь, антиреализм страдает от этического дефицита [19]. Подлинный концепт реальности требует наличия чувства реальности, возникающего в нашей жизни, в конкретной практической деятельности. А. Эйнштейн считает, что чувство реальности, которое есть у ученого, сродни религиозному чувству: «У меня нет лучшего выражения, чем термин “религиозная”, чтобы выразить веру в рациональный характер реальности и ее доступность, по крайней мере частичную, для разума человека. Когда это чувство отсутствует, наука вырождается в лишенный смысла эмпиризм» ([32, р. 76]; цитируется в [39, р. 110], а также в [19, р. 8].) Как отмечает М. Битболь, реализм сблизается с религиозной установкой, понятой не в догматическом, а в партисипативном смысле. Витгенштейн, в свою очередь, указывает на измерение ангажированности у подлинно верующего человека [71, р. 85]. Измерение подлинной ангажированности отсутствует в метафизических доктринах. Оно отсутствует у догматика. Но оно также отсутствует у ван-фраассеновского конструктивного эмпирициста и у релятивиста.

II.4. Абсолютизм, релятивизм, реализм и демократия

Некоторые философы считают, что философский абсолютизм способствует принятию абсолютизма политического. Г. Кельзен, например, полагал, что политический абсолютизм имеет тенденцию употреблять философский абсолютизм в качестве своего идеологического инструмента, великие метафизики были политическими абсолютистами, тогда как почти все выдающиеся представители релятивизма отдавали предпочтение демократии [47]. В то же время «новый реалист» М. Габриель относит релятивизм наряду с пессимизмом и нигилизмом к врагам демократии, понятой не просто как система правления, всеобщее избиратель-

ное право или устройство государственной власти, а как провозглашение и реализация трех принципов: права человека, свобода и равенство. По степени опасности он располагает релятивизм между пессимизмом и нигилизмом [37]. Выше мы утверждали, что и абсолютизм, и радикальный абсолютистский релятивизм эпистемически порочные позиции. Добродетели возникают и культивируются лишь в результате преодоления сопротивления реальности. Эпистемически добродетельной позицией является к-реализм.

Те достоинства, которые релятивист приписывает своему стансу и которые Баграмян ставит под сомнение, а Куш защищает, на самом деле относятся к к-реализму. Релятивист, признающий истинность любой точки зрения, – догматический плюралист. Поскольку для него другие точки зрения не хуже, чем его собственная, то и, наоборот, последняя не хуже, чем первые. Толерантность и «интеллектуальное смирение» релятивиста переходят в догматическое упорствование в своей собственной точке зрения и интеллектуальное высокомерие; коммуникация между различными точками зрения оказывается невозможной. Подлинные толерантность, открытость ума, любопытство, интересубъектная коммуникация, понимание других точек зрения и сравнение их, переход от одной точки зрения к другой возможны лишь в реальности.

Более того, подлинный реализм, т.е. реализм контекстуальный, не может не быть этическим, поскольку он предполагает возможность преобразования реальности путем нахождения в ней самой оснований для ее преобразования, путем выработки в ней нормативного идеала и его реализации [5]. И наоборот, как показал Ж. Бенуа, если признать существование этики, то следует признать этический реализм, который, в свою очередь, требует признания реализма контекстуального, признания того, что подлинный реализм может быть лишь контекстуальным [16, ch. 10]. Именно поэтому парадоксальный лозунг французской студенческой революции 1968 года: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» – нужно понимать буквально. Это единственно возможный формат реализма [16, p. 342–343].

II.5. Философия как философия жизни?

М. Баграмян рассматривает релятивизм как метафилософскую стратегию, направленную на изменение жизни к лучшему. В этом она видит сходство релятивизма с пирронизмом и противопоставляет оба подхода витгенштейновскому, который «оставляет все так, как оно есть».

Д. Притчард, однако, напротив, находит сходства между пирронизмом и витгенштейновским квиетизмом [62]. Мы скорее согласны с ним, а не с Баграмян. Более того, на наш взгляд, из философии Витгенштейна можно извлечь подлинный, т.е. реалистский, станс – к-реализм. Витгенштейн пишет: «Философия никоим образом не смеет посягать на действительное употребление языка, в конечном счете она может только описывать его. Ведь дать ему вместе с тем и какое-то обоснование она не может. Она оставляет все так, как оно есть. И математику она оставляет такой, как она есть, не может продвинуть ни одно математическое открытие. “Ведущая проблема математической логики” остается для нас проблемой математики, как и любая другая» [72, § 124]. Это не просто позиция квиетизма, а реализм обыденного смысла.

Баграмян также принимает альтернативный взгляд на философию, согласно которому последняя должна предлагать не решение (философских) проблем, а систему отсчета, рамки, инструменты для их решения. (Отметим, что и Витгенштейн не считает, что задача философии состоит в том, чтобы решать теоретические проблемы.) Согласно Баграмян, чтобы лучше мыслить и жить, нужна ориентированная на улучшение жизни человека «философия жизни» (станс), а не теоретическая философия догм, доктрин и тезисов²⁶. Баграмян полагает, что такова была философия древних греков. Мы разделяем позицию Т. Уильямсона, считающего что целью философии являются постижение истины и приобретение знания. В этом смысле философия не отличается от науки [67]²⁷. Также, как показал Дж. Купер, философия античности – рациональная дисциплина, направленная на поиск и постижение истины. Она действительно не отделена от практики. Она действительно есть способ жизни и способ достижения счастья (греч. *eudaimonia*), которое невозможно без познания истинной природы человека. Но это не «философия жизни», не набор практических рецептов [31].

²⁶ Абсолютист тоже может утверждать, что его станс – инструменты и рамки для достижения лучшей жизни.

²⁷ На первый взгляд, это противоречит витгенштейновской (в широком смысле) терапевтической позиции Ж. Бенуа и самого Витгенштейна. Для Бенуа философия – концептуальный анализ. На самом деле, как мы считаем, здесь нет никакого противоречия. Концептуальный анализ в смысле Бенуа – анализ концептов, укорененных в реальности (в частности, это предполагает анализ подвижной границы между концептуальным и реальным) [15]. Это значит, что такой анализ влечет за собой познание истины.

Заключение

Согласно Х. Филду, нам нужна эпистемология без метафизики, и в частности без ненужных «метафизических обоснований»²⁸. Ж. Бенуа занимает еще более радикальную позицию, выступая за реализм без метафизики [16; 38]²⁹. Наш вывод состоит в том, что именно принятие витгенштейновского к-реализма, который не является доктриной, а представляет собой терапевтический критический реализм, позволяет избавиться от эпистемического релятивизма или трансформировать его в реализм [2]³⁰. В частности, мы утверждаем, что умеренный релятивизм М. Куша может быть благожелательно интерпретирован как к-реализм, а также что именно к-реализм, а не абсолютизм или релятивизм (абсолютистский, метафизический, а не критический) – эпистемически добродетельная позиция. Мы утверждаем также, что релятивизм зачастую смешивают с контекстуализмом (хотя радикальный контекстуализм можно рассматривать как форму релятивизма). Это одна из причин, по которой А. МакИнтайр полагал, что релятивизм содержит долю истины. Релятивизму (как и догматизму, и абсолютизму), однако, в отличие от реализма недостает подлинной ангажированности, он страдает от этического дефицита. На наш взгляд, живучесть релятивизма объясняется не тем, что это станс, а его критическим отношением к абсолютизму и догматизму. Двусмысленность анализа эпистемических достоинств и пороков релятивизма, сделанного Баграмян и Кушем, обусловлена отсутствием анализа понятия реальности и, соответственно, смешением понятий объек-

²⁸ Примером попытки метафизического обоснования является обоснование законов классической логики исходя из смысла логических слов. Это, заметим, пример абсолютистского обоснования.

²⁹ Речь идет не о метафизике как таковой, а лишь о «плохой» псевдометафизике. Бенуа, например, не отвергает возможность познания самих вещей. Более того, к-реализм делает такое познание само собой разумеющимся. Другими словами, к-реализм – не антиметафизический позитивизм.

³⁰ А.Р. Каримов, между прочим, относит Витгенштейна к релятивистам. Он пишет: «“Петли Витгенштейна” – это другое слово для релятивизма» [1, с. 265]. Мы не разделяем эту точку зрения, в которой он солидарен с А. Хазлеттом [46]. Каримов также утверждает, что релятивистская позиция несовместима с эпистемологией добродетелей. Например, он пишет: «Открытость ума не есть эпистемическая толерантность, которая заключается в признании того, что все точки зрения являются в равной мере “истинными”» [1, с. 265]. Таким образом, Каримов приписывает релятивизму тезис равной пригодности, который Куш и другие известные релятивисты отрицают.

тивности и абсолютности, контекстуализма и релятивизма³¹. Само понятие станса, хотя оно и позволяет в известной степени продвинуться в понимании философских позиций, нам представляется плохо определенным и абсолютистским. Употребление этого понятия также связано с позицией перспективизма. На наш взгляд, перспективизм, и в частности перспективистский реализм, допускает серьезные концептуальные смещения, которые могут быть устранены в рамках к-реализма³². Наконец, мы критически относимся к позиции Баграмян, согласно которой философия должна быть «философией жизни».

Литература

1. Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. – С.-Пб.: Алетея, 2019. – 430 с.
2. Прись И.Е. Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма // APRIORI. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – № 5. – URL: <https://philarchive.org/archive/PRIWCA> (дата обращения: 16.06.2020).
3. Прись И.Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. – С.-Пб.: Алетея, 2020.
4. Прись И.Е. О смысле принципа соответствия и единства физики // *Analytica*. – 2012. – № 6. – С. 18–35.
5. Прись И.Е. Реализм Маркса // *Диалог: Научно-практический журнал*. – 2019. – № 1 (13). – С. 15–25. – URL: <http://npzhdialog.ru/1-2019/> (дата обращения: 16.06.2020).
6. Прись И.Е. Существует ли внешний мир? Ч. 1: Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма // *Сибирский философский журнал*. – 2020. – № 1. – С. 180–194.
7. Прись И.Е. Существует ли внешний мир? Ч. 2: Скептический сценарий бессмыслен // *Сибирский философский журнал*. – 2020. – № 2. – С. 230–243.
8. Bacciagaluppi G. Adaptive empiricism // *Lost in Physics and Metaphysics: Questioni di Realismo Scientifico* / Istituto Lombardo Accademia di Scienze e Lettere; ed. by G.M. D'Ariano, A. Robbiati Bianchi, S. Veca. – Milano, 2019. – P. 99–113.
9. Baehr J. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

³¹ Куш, например, отрицает, что различие между абсолютистом и релятивистом проводится по критерию наличия или отсутствия эпистемических добродетелей. И тот, и другой могут быть добродетельными или порочными. На наш взгляд, это так, но именно потому, что обе позиции дефектны. В той мере, в какой позиция дефектна, т.е. отклоняется от подлинного реализма, она эпистемически порочна.

³² Например, Баграмян неправильно, на наш взгляд, сравнивает стансы с пространственно-временными позициями (поскольку они тоже не истинны и не ложны *per se*, позволяют осмысливать мир, судить о нем продуктивно или непродуктивно, могут быть полезными или бесполезными), т.е. перцептивными перспективами. Аналогичную ошибку допускает перспективизм, смешивающий понятия (концептуальной) перспективы и перцептивной перспективы. На самом деле понятие станса следует трактовать скорее как концептуальную перспективу, которая относится к категории идеального.

10. *Baghramian M.* The Politics of Relativism. – URL: <https://www.academia.edu/s/5d30bc2b58> (дата обращения: 17.07.2020).
11. *Baghramian M.* The virtues of relativism // *Proceedings of Aristotelian Society.* – 2019. – No. 93 (1). – P. 247–269.
12. *Baghramian M., Coliva A.* Relativism. – London; New York: Routledge, 2020.
13. *Barrau A.* De la vérité dans les sciences. – Paris: Dunod, 2016.
14. *Barrau A.* Philosophie des sciences. 1–20. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z70GvczZncs> (дата обращения: 11.07.2020).
15. *Benoist J.* Concepts: Introduction à l'analyse. – Paris: Cerf, 2011.
16. *Benoist J.* L'adresse du réel. – Paris: Vrin, 2017.
17. *Benoist J.* Logique du phénomène. – Paris: Hermann, 2016.
18. *Bitbol M.* Maintenant la finitude: Peut-on penser l'absolu? – Paris: Flammarion, 2019.
19. *Bitbol M.* Quasi-réalisme et pensée physique // *Critique.* – 1994. – No. 564. – P. 340–361.
20. *Blackburn S.* Truth. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
21. *Bloor D.* Relativism and the sociology of scientific knowledge // *A Companion to Relativism* / Ed. by S. Hales. – Oxford: Blackwell, 2011. – P. 431–455.
22. *Boghossian P.* Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
23. *Boghossian P.* Three kinds of relativism // *A Companion to Relativism* / Ed. by S. Hales. – Oxford: Blackwell, 2011. – P. 53–69.
24. *Boucher S.C.* What is a philosophical stance? Paradigms, policies and perspectives // *Synthese.* – 2014. – Vol. 191, No. 10. – P. 2315–2332.
25. *Broncano-Berrocal F., Carter A.* Group Polarization: A Collective Vice Theory. – London: Routledge, 2020.
26. *Carter J.A.* Metaepistemology and Relativism. – London: Palgrave Macmillan, 2016.
27. *Cassam Q.* Conspiracy Theories. – Cambridge: Polity Press, 2019.
28. *Cassam Q.* Vices of the Mind: From the Intellectual to the Political. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
29. *Chakravartty A.* Stance relativism: Empiricism versus metaphysics // *Studies in History and Philosophy of Science.* – Part A. – 2004. – Vol. 35, No. 1. – P. 173–184.
30. *Code L.* Must a feminist be a relativist after all? // *Rhetorical Spaces: Essays on Gendered Locations.* – N.Y.: Routledge, 1995. – P. 185–207.
31. *Cooper J.* Pursuits of Wisdom: Six Ways of Life in Ancient Philosophy from Socrates to Plotinus. – Princeton: Princeton University Press, 2013.
32. *Einstein A.* Letters to Solovine 1906–1955. – N.Y.: Open Road, 2011. – 184 p.
33. *Engel P.* Le relativisme fait PSCITT [Préface] // *Laudan L. Science et relativisme*, ED. – Paris: Matériologique, 2018. – P. 3–27.
34. *Feyerabend P.* Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. – London: New Left Books, 1975.
35. *Feyerabend P.* Classical empiricism // *The Methodological Heritage of Newton* / Ed. by J.W. Davis, R.E. Butts. – Toronto: University of Toronto Press, 1970. – P. 150–170.
36. *Feyerabend P.* Conquest of Abundance. – Chicago: University of Chicago Press, 1999.
37. *Gabriel M.* The Nature of Our Values. – URL: <https://www.vexplode.com/en/tedx/the-nature-of-our-values-markus-gabriel-tedxberlinsalon/?t=00:03:04> (дата обращения: 11.07.2020).
38. *Field H.* Epistemology without metaphysics // *Philosophical Studies.* – 2009. – Vol. 143, No. 2. – P. 249–290.
39. *Fine A.* The Shaky Game, Einstein, Realism and the Quantum Theory. – The University of Chicago Press, 1986. – 186 p.

40. *Finocchiaro M.A.* On Trial for Reason: Science, Religion, and Culture in the Galileo Affair. – Oxford University Press, 2019.
41. *Fraassen B.C.*, van. On stance and rationality // *Synthese*. – 2011. – Vol. 178, No. 1. – P. 155–169.
42. *Fraassen B.C.*, van. The Empirical Stance. – Princeton: Princeton University Press, 2002.
43. *Fraassen B.C.*, van. The Scientific Image. – Oxford: Oxford University Press, 1980.
44. *Frankfurt H.* On Bullshit. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2005. – P. 55–56.
45. *Frankfurt H.* The Importance of What We Care About. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
46. *Hazlett A.* Intellectual loyalty // *International Journal for the Study of Skepticism*. – 2016. – Vol. 6, No. 2–3. – P. 326–350.
47. *Kelsen H.* Absolutism and relativism in philosophy and politics // *American Political Science Review*. – 1948. – Vol. 42, No. 5. – P. 906–914.
48. *Knorr-Cetina K.* The Manufacture of Kno: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. – Oxford, England; Elmsford, New York: Pergamon Press, 1981.
49. *Kölbel M.* Faultless disagreement // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 2004. – Vol. 104, No. 1. – P. 53–73.
50. *Kusch M.* Epistemological anarchism meets epistemic voluntarism: Feyerabend's Against Method and van Fraassen's The Empirical Stance // *Forthcoming in a volume on Feyerabend* / Ed. by B. Karim, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
51. *Kusch M.* Relativism in Feyerabend's later writings // *Studies in History and Philosophy of Science*. – 2016. – Vol. A57. – P. 106–113.
52. *Kusch M.* Relativist Stances, Virtues and Vices // *Proceedings of Aristotelian Society*. 2019. Vol. 93. №1. P. 271–291.
53. *Kusch M.* Stances, voluntarism, relativism // *Idealism, Relativism, and Realism: New Essays on Objectivity Beyond the Analytic-continental Divide* / Ed. by D. Finkelde, P. Livingston. – Berlin; New York: DeGruyter. 2020.
54. *Laudan L.* Normative naturalism // *Philosophy of Science*. – 1990. – Vol. 57, No. 1. – P. 44–59.
55. *Laudan L.* Science and Relativism. – Chicago: The University of Chicago Press, 1990.
56. *Laudan L.* Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debates. – Berkeley, CA: University of California Press, 1984.
57. *MacFarlane J.* Assessment Sensitivity: Relative Truth and Its Applications. – Oxford: Oxford University Press, 2014.
58. *MacIntyre A.* Relativism, power and philosophy // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. – 1985. – Vol. 59, No. 1. – P. 5–22.
59. *Price H.H.* Belief and will // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 1954. – Suppl. vol, 28. – P. 1–26.
60. *Pris F.-I.* Le fossé explicatif dans la philosophie de l'esprit du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normative. – Paris: ANRT, 2008. – 354 p.
61. *Pritchard D.* Shadowlands // *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Justification and Rationality* / Ed. by J. Dutant, F. Dorsch. – Oxford: Oxford University Press. *Forthcoming*.
62. *Pritchard D.* Wittgenstein's On Certainty as pyrrhonism in action // *Looking at Things From the Viewpoint of Wittgenstein's Philosophy* / Ed. by N. de Costa, S. Wuppuluri. – Dordrecht, Holland: Springer, 2019.
63. *Rowbottom D.P.* Stances and paradigms: A reflection // *Synthese*. – 2011. – Vol. 178, No. 1. – P. 111–119.
64. *Teller P.* Learning to live with voluntarism // *Synthese*. – 2011. – Vol. 178. – P. 49–66.

65. *Teller P.* What is a stance? // *Philosophical Studies*. – 2004. – Vol. 121, No. 2. – P. 159–170.
66. *Williams M.* Normative naturalism // *International Journal of Philosophical Studies*. – 2011. – Vol. 18, No. 3. – P. 335–375.
67. *Williamson T.* Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning. – Oxford University Press, 2018.
68. *Williamson T.* Justifications, excuses, and skeptical scenarios // *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Justification and Rationality* / Ed. by J. Dutant, F. Dorsch. – Oxford University Press. Forthcoming.
69. *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 352 p.
70. *Williamson T.* Tetralogue. – Oxford: Oxford University Press, 2017.
71. *Wittgenstein L.* Culture and Values. – The University of Chicago Press, 1984. – 94 p.
72. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. – Oxford: Blackwell, 2001.
73. *Wright C.* Fear of relativism // *Philosophical Studies*. – 2008. – Vol. 141, No. 3. – P. 379–390.
74. *Zagzebski L.* Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

References

1. *Karimov, A.R.* (2019). Epistemologiya dobrodetey [Virtue Epistemology]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 430.
2. *Pris, I.E.* (2018). Vitgenshteynovskiy kontekstualizm protiv epistemicheskogo relyativizma [Wittgensteinian contextualism against epistemic relativism]. APRIORI. Ser.: Gumanitarnye nauki [APRIORI. Series: Human Sciences], 5. Available at: <https://philarchive.org/archive/PRIWCA> (date of access: 16.06.2020).
3. *Pris, I.E.* (2020). Kontekstualnost ontologii i sovremennaya fizika [Contextuality of Ontology and Contemporary Physics]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 346.
4. *Pris, I.E.* (2012). O smysle printsiipa sootvetstviya i edinstva fiziki [On the meaning of the correspondence principle and the unity of physics]. *Analytica*, 6, 18–35.
5. *Pris, I.E.* (2019). Realizm Marksa [Marx's realism]. *Dialog: Nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Dialogue: Scientific and Practical Journal], 1 (13), 15–25. Available at: <http://npzhdialog.ru/1-2019/> (date of access: 16.06.2020).
6. *Pris, I.E.* (2020). Sushchestvuet li vneshniy mir? Chast 1: Sovremennyye podkhody k probleme kartezianskogo skeptitsizma [Does the external world exist? Part 1: Contemporary approaches to the problem of Cartesian skepticism]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 1, 180–194.
7. *Pris, I.E.* (2020). Sushchestvuet li vneshniy mir? Chast 2: Skepticheskiy stsensariy bessmyslen [Does the external world exist? Part 2: The sceptical scenario is meaningless]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 2, 230–243.
8. *Bacciagaluppi, G.* (2019). Adaptive Empiricism. In: D'Ariano, G.M., A.R. Bianchi & S. Veca (Eds.). *Lost in Physics and Metaphysics: Questioni di Realismo Scientifico*. Instituto Lombardo Accademia di Scienze e Lettere. Milano, 99–113.
9. *Baehr, J.* (2011). *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford, Oxford University Press.
10. *Baghramian, M.* The Politics of Relativism. Available at: <https://www.academia.edu/s/5d30bc2b58> (date of access: 17.07.2020).

11. *Baghrmian, M.* (2019). The virtues of relativism. *Proceedings of Aristotelian Society*, 93 (1), 247–269.
12. *Baghrmian, M. & A. Coliva.* (2020). *Relativism*. London & New York, Routledge.
13. *Barrau, A.* (2016). *De la vérité dans les sciences*. Paris, Dunod.
14. *Barrau, A.* (2020). *Philosophie des sciences. 20 cours*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=z70GvczZncs> (date of access: 11.07.2020).
15. *Benoist, J.* (2011). *Concepts: Introduction à l'analyse*. Paris, Cerf.
16. *Benoist, J.* (2017). *L'adresse du réel*. Paris, Vrin.
17. *Benoist, J.* (2016). *Logique du phénomène*. Paris, Hermann.
18. *Bitbol, M.* (2019). *Maintenant la finitude: Peut-on penser l'absolu?* Paris, Flammarion.
19. *Bitbol, M.* (1994). Quasi-réalisme et pensée physique. *Critique*, 564, 340–361.
20. *Blackburn, S.* (2007). *Truth*. Oxford, Oxford University Press.
21. *Bloor, D.* (2011). Relativism and the sociology of scientific knowledge. In: Hales, S. (Ed.). *A Companion to Relativism*. Oxford, Blackwell, 431–455.
22. *Boghossian, P.* (2006). *Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism*. Oxford, Oxford University Press.
23. *Boghossian, P.* (2011). Three kinds of relativism. In: Hales, S. (Ed.). *A Companion to Relativism*. Oxford, Blackwell, 53–69.
24. *Boucher, S.C.* (2014). What is a philosophical stance? Paradigms, policies and perspectives. *Synthese*, 191 (10), 2315–2332.
25. *Broncano-Berrocal, F. & A. Carter.* (2020). *Group Polarization: A Collective Vice Theory*. London, Routledge.
26. *Carter, J.A.* (2016). *Metaepistemology and Relativism*. London, Palgrave Macmillan.
27. *Cassam, Q.* (2019). *Conspiracy Theories*. Cambridge, Polity Press.
28. *Cassam, Q.* (2019). *Vices of the Mind: From the Intellectual to the Political*. Oxford, Oxford University Press.
29. *Chakravarty, A.* (2004). Stance relativism: Empiricism versus metaphysics. *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*, 35 (1), 173–184.
30. *Code, L.* (1995). Must a feminist be a relativist after all? *Rhetorical Spaces: Essays on Gendered Locations*. New York, Routledge, 185–207.
31. *Cooper, J.* (2013). *Pursuits of Wisdom: Six Ways of Life in Ancient Philosophy from Socrates to Plotinus*. Princeton, Princeton University Press.
32. *Einstein, A.* (2011). *Letters to Solovine 1906–1955*. New York, Open Road, 184.
33. *Engel, P.* (2018). Le relativisme fait PSCITT. In: Laudan, L. *Science et relativisme*, ED. Paris, Editions Matériologiques, 3–27.
34. *Feyerabend, P.* (1975). *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. London, New Left Books.
35. *Feyerabend, P.* (1970). Classical empiricism. In: Davis, J.W. & R.E. Butts. *The Methodological Heritage of Newton*. Toronto, University of Toronto Press, 150–170.
36. *Feyerabend, P.* (1999). *Conquest of Abundance*. Chicago, University of Chicago Press.
37. *Gabriel, M.* (2017). The Nature of Our Values. Available at: <https://www.vexplode.com/en/tedx/the-nature-of-our-values-markus-gabriel-tedxberlinsalon/?t=00:03:04> (date of access: 11.07.2020).
38. *Field, H.* (2009). Epistemology without metaphysics. *Philosophical Studies*, 143, 249–290.
39. *Fine, A.* (1986). *The Shaky Game, Einstein, Realism and the Quantum Theory*. Chicago, The University of Chicago Press, 186.
40. *Finocchiaro, M.A.* (2019). *On Trial for Reason: Science, Religion, and Culture in the Galileo Affair*. Oxford, Oxford University Press.

41. *Fraassen, B.C., van.* (2011). On stance and rationality. *Synthese*, 178, 155–169.
42. *Fraassen, B.C. van.* (2002). *The Empirical Stance*. Princeton, Princeton University Press.
43. *Fraassen, B.C., van.* (1980). *The Scientific Image*. Oxford, Oxford University Press.
44. *Frankfurt, H.* (2005). *On Bullshit*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 55–56.
45. *Frankfurt, H.* (1988). *The Importance of What We Care About*. Cambridge, Cambridge University Press.
46. *Hazlett, A.* (2016). Intellectual loyalty. *International Journal for the Study of Skepticism*, 6, 326–350.
47. *Kelsen, H.* (1948). Absolutism and relativism in philosophy and politics. *American Political Science Review*, 42 (5), 906–914.
48. *Knorr-Cetina, K.* (1981). *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. Oxford, England; Elmsford, New York, Pergamon Press.
49. *Kölbel, M.* (2004). Faultless disagreement. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 104 (1), 53–73.
50. *Kusch, M.* Epistemological anarchism meets epistemic voluntarism: Feyerabend's Against Method and van Fraassen's The Empirical Stance. Forthcoming in: Karim, B. & J. Shaw (Eds.). *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge, Cambridge University Press.
51. *Kusch, M.* (2016). Relativism in Feyerabend's later writings. *Studies in History and Philosophy of Science*, A57, 106–113.
52. *Kusch, M.* (2019). Relativist stances, virtues and vices. *Proceedings of Aristotelian Society*, 93 (1), 271–291.
53. *Kusch, M.* (2020). Stances, voluntarism, relativism. In: Finkelde, D. & P. Livingston (Eds.). *Idealism, Relativism, and Realism: New Essays on Objectivity Beyond the Analytic-continental Divide*. Berlin & New York, DeGruyter.
54. *Laudan, L.* (1990). Normative Naturalism. *Philosophy of Science*, 57(1), 44–59.
55. *Laudan, L.* (1990). *Science and Relativism*. Chicago, The University of Chicago Press.
56. *Laudan, L.* (1984). *Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debates*. Berkeley, CA, University of California Press.
57. *MacFarlane, J.* (2014). *Assessment Sensitivity: Relative Truth and Its Applications*. Oxford, Oxford University Press.
58. *MacIntyre, A.* (1985). Relativism, power and philosophy. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 59 (1), 5–22.
59. *Price, H.H.* (1954). Belief and will. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 28 (suppl.), 1–26.
60. *Pris, F-I.* (2008). Le fossé explicatif dans la philosophie de l'esprit du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normative. Paris, ANRT, 354.
61. *Pritchard, D.* *Shadowlands*. Forthcoming in: Dutant, J. & F. Dorsch (Eds.). *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Justification and Rationality*. Oxford, Oxford University Press.
62. *Pritchard, D.* Wittgenstein's on certainty as Pyrrhonism in action. Forthcoming in: Costa, N., de, & S. Wuppuluri (Eds.). *Looking at Things From the Viewpoint of Wittgenstein's Philosophy*. Dordrecht, Holland, Springer.
63. *Rowbottom, D.P.* (2011). Stances and paradigms: A reflection. *Synthese*, 178 (1), 111–119.
64. *Teller, P.* (2011). Learning to live with voluntarism. *Synthese*, 178, 49–66.
65. *Teller, P.* (2004). What is a stance? *Philosophical Studies*, 121 (2), 159–170.
66. *Williams, M.* (2011). Normative naturalism. *International Journal of Philosophical Studies*, 18 (3), 335–375.

67. *Williamson, T.* (2018). *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford, Oxford University Press.
68. *Williamson, T.* Justifications, excuses, and skeptical scenarios. Forthcoming in: Dutant, J. & F. Dorsch (Eds.). *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Justification and Rationality*. Oxford, Oxford University Press.
69. *Williamson, T.* (2000). *Knowledge and Its Limits*. Oxford, Oxford University Press, 352.
70. *Williamson, T.* (2017). *Tetralogue*. Oxford, Oxford University Press.
71. *Wittgenstein, L.* (1984). *Culture and Values*. Chicago, The University of Chicago Press,
94. 72. *Wittgenstein, L.* (2001). *Philosophical Investigations*. Oxford, Blackwell.
73. *Wright, C.* (2008). Fear of relativism. *Philosophical Studies*, 141 (3), 379–390.
74. *Zagzebski, L.* (1996). *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge, Cambridge University Press.

Сведения об авторе

Прись Игорь Евгеньевич – доктор философии (Парижский университет, Париж, Франция), канд. физ.–мат. наук, Институт философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2. Минск, 220072, Беларусь)
frigpr@gmail.com

Information about the author

Pris Igor Evgenievich – PhD in Philosophy (Universite Paris-Sorbonne, Paris, France), Candidate of Sciences (Physics), Institute of Philosophy, National Academy of Sciences, Belarus (1, bd. 2, Surganova st., Minsk, 220072, Belarus)
frigpr@gmail.com

Дата поступления 10.08.2020